

УПЫРИХА

12+

Дмитрий Потехин

Дмитрий Потехин

Упыриха

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Потехин Д. В.

Упыриха / Д. В. Потехин — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Приехавший летом на родной хутор семнадцатилетний парень Пашка делает ужасающее открытие: в подвале заброшенной, одиноко стоящей за лесом церкви заперт изголодавшийся вампир. Благодаря помощи двух местных проходимцев чудовище обретает свободу, становясь настоящим кошмаром для хуторян.

Дмитрий Потехин

Упыриха

В дороге

Бодро постукивали колеса. За полуоткрытой дверью товарного вагона вместо вчерашних дремучих подмосковных лесов и серого неба бежала веселая, позолоченная солнцем лесостепь. Теплый летний ветер залетал в вагон и по-дружески трепал на голове волосы.

Паша придвинул вещи и подполз ближе к выходу. Часов у него не было. Поезд товарный, не остановится. Как знать, когда прыгивать?

Пашка не первый раз ездил домой на хутор на товарняке, но каждый раз соскакивал почти наугад, так что потом, ругая себя, ночевал в поле. Вот и сейчас глаза его пытались выхватить из лениво проплывавшего за дверью пейзажа хоть какую-нибудь знакомую деталь. Если бы поблизости была станция или хотя бы речка...

Перед ним простирался ковер колосащейся зелени и необычайно красивых красных маков. Вдалеке вздымались холмы с темнеющими то там, то сям скромными компаниями деревьев и кустов. Изредка пробегал мимо реденький лесок весь сплошь из дубов и грабов: елки в таких краях не водятся. Откуда ни возмись налетали пестрые домишки с яблонями. Ослепительно подмигивали золотыми крестами позелененные купола церквей. Луга сменяли бронзовые пашни, а за ними снова плыли луга, в траве которых белели то козы, то блестели гнедыми спинами лошади. По желтым дорогам, в жаркой пыли тащились тихоходы-грузовики. Светлые фигурки людей провожали поезд взглядом, прикрывая глаза от солнца. Некоторые даже зачем-то махали вагонам вслед.

«Хорошая штука лето!» – подумал Пашка, надевая ботинки и завязывая шнурки.

Поезд постепенно начал сбавлять ход.

«Прыгать, не прыгать?» – сомневался парень, глядя на плывущие за дверью бесконечные маки, станицы, поля. Все выглядело очень знакомым, казалось еще чуть-чуть и вынырнут из-за холмиков белые трехэтажные дома и пожарная каланча поселка Красный боец, от которого рукой подать до родного хутора Неверовский. Но это все иллюзия, обман. Возле поселка железная дорога не проходит.

«Надо было деньги заплатить и в пассажирском поезде ехать, как нормальный человек!»

Но Паша нормальным человеком не был и потому вдруг выбросил из вагона свои узлы с вещами и, присев как парашютист, с воплем кинулся вниз, чтобы уж наверняка сломать себе шею. Он ее и сломал бы, вот только день был до того теплый и счастливый, что не случилось.

Шурша травой и получая синяк за синяком, Паша скатился вниз, кряхтя поднялся на ноги и, отряхнув штаны и рубашку, пошел собирать разбросанные по степи вещи.

До дороги было далеко. Пашка шагал, прихрамывая на ушибленную ногу и следя, чтоб не наступить случайно в коровью мину. Солнце пекло не хуже печки в бане. В траве среди бела дня лазали и копошились майские жуки. Пашка шутки ради поймал одного из них, поднял. Жук отчаянно замахал лапами, в ужасе глядя на двуногое чудовище. Пашка подбросил его, и тот, раскрыв панцирь, беззвучно улетел восвояси.

«Лети, лети, вредитель», – благосклонно проворчал Пашка.

Дорога была пуста: ни телег, ни авто. Даже домов и тех не было видно. Пашка вспомнил, что забыл в вагоне бутылку с остатками сидра. Хотя она все равно наверно разбилась бы...

Медленно, едва заметно ползли мимо бескрайние поля – словно вдоль моря идешь. Жара стояла такая, что в воздухе расплывалось призрачное пьянящее марево. В синем небе клочками ваты белели какие-то облачка, постепенно уплывая на запад. Даже ветерок и тот не долетал.

Вдоль дороги сверкали потемневшей листвой пышные грабы и кусты бузины. Вдалеке весело зеленел подрастающий кукурузный лес.

Пашка вспомнил, как в детстве обожал играть с друзьями посреди этой кукурузы, и как они прятались в ней от злющего объездчика.

«Отыскать бы его сейчас, да наkostenить за то, что за нами с нагайкой гнался!» – подумалось Пашке.

Уже час идет, а все ни одного хутора. Только дорожный указатель, да домики где-то очень далеко. Пот течет по лицу ручьями, в горле сухая горечь.

Позади едва слышно, но с каждой секундой все громче и громче рыча и позвякивая, приближается серый грузовик.

Пашка преградил ему путь и замахал руками.

– Слышь, дядь, до Красного бойца далеко?

– Верст пятнадцать, кажись, – ответил рябой мужчина в кепочке, высунувшись из кабины. – Как раз через него еду.

– Довезешь?

– А чего ж, довезу!

Пашка бросил узлы в кузов, сам забрался в кабину и подумал: «Повезло!»

Добираться домой теперь было одно удовольствие. Лихо летели мимо степь и перелески. Ветер снова трепал по голове.

Приехав в поселок, бывший райцентром, Пашка вылез из машины, выпил в закусочной квасу и зашагал по ухабистой дороге, ведущей прямо на хутор Неверовский.

Пыльная желтая полоса и деревянные столбы, на проводах которых сидели, пиликаая, черные пташки, привели Пашу к знакомой обветшалой сторожке, за которой дремал под солнцем родной хутор. В тени яблонь и облепих темнели деревянные избы, белели кое-где мазанки с соломенными крышами и плетеными оградами.

Хутор старел прямо как Пашины бабушка с дедом. Все вроде то же самое, что и прошлым летом, ан нет – что-то разваливается, что-то ржавеет, где-то зарастает сорняком. С каждым годом все больше жителей уезжали в город. Сделать это было теперь куда легче, чем несколько лет назад.

Ни души. Только из-за поворота вдруг появилась маленькая пегая коза и, трясая выменем, деловито процокала мимо Пашки.

«Ишь ты!» – усмехнулся парень.

Миновав местный клуб, Паша свернул с главной улицы, дошел до края хутора, где чернел заросший камышом и покрытый ряской лягушачий ставок. Остановился возле одноэтажного дома за покосившимся забором. Дом этот был серый, каменный, окруженный кустами смородины с одной стороны и шиповником с другой. У поленницы дров покачивали головами два еще не расцветших подсолнуха. По двору бегали рыжие куры.

Дома

– Приехал, не забыл про нас! – чуть не плакала бабушка, обнимая и целуя внука.

Дед в белой рубахе, с длинной седой бородой сурово глянул на Пашу из-под косматых бровей.

– Ладно, как будто с войны вернулся. Накрывай на стол!

– Ну что, закончил школу-то? – он протянул Паше свою корявую ладонь без одного пальца.

– Закончил, – невесело улыбнулся Паша.

– А че ж так грустно? Где медали?

Они сели за стол. Паша жадно уплетал вареную картошку, а дед вдруг достал откуда-то здоровенную бутылку белого, как молоко самогона.

– Ты чего, а? – в ужасе пролепетала бабушка. – Ты че удумал, старый?! А ну спрячь!

– Не лезь!

Дед с грохотом поставил бутылку на стол, так что задрожали оловянные ложки.

– Давай Павка, за окончание!

Он налил самогон себе и внуку. Бабушка удрученно покачала головой.

– Из яблок? – улыбнулся Пашка, почесав о зубы обожженный язык.

– Из них!

Улыбка исчезла с лица деда, он как-то вдруг совсем неприветливо и хмуро взглянул на двор через окно.

– Тройки, двойки, значит? – задумчиво промолвил дед.

Пашка вздохнул. Он мог бы многое рассказать деду с бабушкой: и то, что, кроме надутости индюка старосты, а также женской половины, которой положено быть умнее, весь класс учился так же, как он. Ну, может быть, чуть-чуть получше. И то, что училки были одна зубастей другой, издевались и мстили. И то, что тетка, у которой он жил, не давала ему денег, так что приходилось работать ночью на станции. Но это, конечно, было не оправдание.

– Да... – хрипло вздохнул дед. – Как жить-то собираешься? В институт не поступишь. С такими отметками только в ремесленное или в армию, а потом уже на завод...

– Я... – Пашке очень не хотелось в этом признаваться. – Дед, я на хуторе хочу остаться.

– Как так?

– Ну механизатором там. Выучусь.

Пашка видел, как глаза у бабушки вмиг потускнели, и она как-то вся вдруг поникла. Дед смотрел на него из-под тяжело нависающих бровей.

– Чего мелешь, а?

Пашка не мог сказать, в чем была причина. Москву он не полюбил. Не полюбил климат, не полюбил улицы, не полюбил людей. Впрочем, настоящая беда была даже не в этом, а в том, что участковый по прозвищу Сапог уже с месяц как начал на него «охоту». Но как в таком признаешься?

– Плохо там, – неуверенно промолвил Паша. – Все не по-нашему...

– А ты хочешь, как мы... в глуши до старости сидеть?! А жена у тебя будет! – бабушка чуть не плакала.

Дед угрюмо сверлил Пашку глазами.

Остаток обеда провели молча. Бабушка забрала посуду и пошла мыть ее во двор. Паша остался с дедом один на один.

– Вот что, – тихо сказал дед, почесывая бороду. – Ты человек почитай взрослый, я тебя ни к чему принуждать не стану. Своя башка на плечах должна быть. Только одно усвой: не в такое время мы живем, как раньше. Вон уже в космос готовятся летать! Пока трактор освоишь, глядишь новые машины в поле выйдут. Куда пойдешь тогда – на базар репой торговать?

– Дед, да я ж...

– Чего, я ж! Мать с отцом были бы живы, они б тебе объяснили... На кой хрен у тетки три года на шее сидел? Небось, все кино, да цирк?

Дед вдруг безнадежно махнул рукой и встал из-за стола.

– Ладно, живи как знаешь!

И тоже ушел.

Вот, оказывается, как в жизни выглядит пословица «Начали за здоровье, а кончили за упокой».

Валяясь на старой кровати на колючем шерстяном одеяле, Паша думал, чем бы ему заняться в остаток дня. Ничего лучше купания и рыбалки в голову не приходило.

Пашка встал, открыл чулан, поискал среди шуб и валенок удочку – нету. Обойдя дом, заглянул в деревянную пристройку, туда, где у деда хранились топор, коса, клещи, гвозди, рассыпанные по ржавым консервным банкам. Тоже нет!

Паша почесал нос и вспомнил, как прошлым летом Витька Горбушкин попросил у него перед самым отъездом удочку, да видно так и решил оставить ее у себя на хранении.

«Щас я тебе устрою милицкий обыск!» – подумал Пашка.

Он вышел за калитку и направился вверх по залитой солнцем улице.

Не успел пройти и двадцати шагов...

– Пашка, ты что ли?! Не узнала! – воскликнула седая старуха, доившая за забором козу – ту самую, с которой Пашка встретился, когда зашел на хутор.

– Я, баба Марусь!

– Ой, как вырос-то! Мужичина настоящий!

«Вырос!», – усмехнулся про себя Пашка. – «Всего-то на всего год прошел. Прошлым летом меня видела. Память дырявая, что ли?»

– Плечи аршинные... – продолжала восхищаться баба Маруся.

– Невеста-то твоя, – перешла она вдруг на шепот. – Лизанька здесь! Приехала позавчера только.

– Да какая она мне невеста, – Пашка махнул рукой.

И все-таки в чем-то баба Маруся была, конечно, права. Не зря, распрощавшись с ней, Паша пошел не прямо к дому Витьки, а сделал большой крюк в полхутора и только для того, чтобы увидеть двухэтажный деревянный дом зеленого цвета и стоящий перед ним за сетчатой оградой белый «Москвич».

Лиза была дочкой полковника Косогорова и очень нравилась Пашке. Беда была в том, что Лизка не только была красивой девчонкой с огненно-рыжими волосами и большими не по-девичьи серьезными глазами. Кроме этого, она почти на отлично училась в школе, хорошо знала немецкий, прекрасно плавала, умела стоять на руках, стреляла из отцовского пистолета и даже владела приемами рукопашного боя. Рядом с ней Пашка чувствовал себя так же, как наверно себя ощущает тетерев, увидев парящую в небе орлицу. И если бы при всех этих качествах Лиза была надменной или суровой, чтобы совсем уж не давать Паше никаких надежд. Но она как на зло была веселой и приветливой.

Пашка постоял у калитки, желая и в то же время боясь, что Лиза выйдет на крыльцо и увидит его. Потом с грустью присвистнул и побрел дальше.

Витька в грязной майке и широченных штанах сидел на корточках посреди двора, ковыряясь в железных внутренностях старого черного мотоцикла. Пашка плохо разбирался в моделях, но, кажется, это был допотопный К-125.

– Привет! – крикнул Пашка.

Витька махнул в ответ рукой.

– Прикарманил мою удочку?

Витька с недоумением посмотрел на друга, а потом, вспомнив, усмехнулся.

– А да, было маленько. Забыл отдать. Потом думаю: че пропадать добру? А ты прям целый год об ней помнишь!

– Ага.

– Забудь! Лучше помоги мотоцикл починить!

Пашка смотрел на развалюху с диковатой смесью зависти и презрения. Будь у него хороший доход, он ни за что не купил бы себе такое старье. Беда в том, что хорошего дохода у Пашки никогда не было.

– Откуда машина-то?

– Батя купил. За то, что школу закончил нормально.

«Мне дед тоже подарочек сделал...» – чуть было не брякнул Пашка, но вовремя осекся.

– У приятеля своего купил за копейки. Говорит: чини сам, как знаешь. Инструменты, запчасти – все сам. Вот и сижу теперь.

– А чего чинить-то?

Следующие два часа друзья потели над мотоциклом. Кряхтя и чертыхаясь, разбирали карбюратор, вычищали мусор из крохотных жиклеров, промывали поплавковую камеру.

Когда солнце заметно скатилось на запад и тени вытянулись, работа, наконец, подошла к концу.

– Слышь, дай мне порулить! – сказал Паша, разгибая затекшую спину и вытирая пот грязным рукавом.

– Подожди! А умыться-то!

– Неси удочки и поехали! – заторопил Пашка. – В озере отмоемся. А то скоро вечер!

Друзья сели на мотоцикл. Пашка долбанул ногой педаль заводки, поддал газу.

Рыча, как выпущенный из клетки тигр, мотоцикл понес ребят через хутор, распугивая собак, гусей и случайных прохожих отдельными громкими выстрелами серо-черного дыма.

Пашка включил последнюю передачу и, едва не наехав на футбольный мяч, вылетел на большую дорогу, где до смерти перепугал возвращавшихся с поля женщин. Они с визгом шарахнулись в сторону, промелькнув мимо, как подхваченные вихрем бумажки. Ехавшая навстречу полуторка отчаянно взвыла и сама чуть не свалилась в кювет.

Пашка на радостях принялся что-то петь, не слыша собственного голоса, поскольку совершенно оглох. Мотоцикл скакал по колдобинам, камни летели из-под колес, словно шальные пули.

На подходе к озеру дорога резко устремилась вниз, так что Пашка впервые за время езды по-настоящему испугался. За спиной орал благим матом Витька и колотил его по спине.

– Дурак, что ль?! – задыхался он, когда Паша наконец сбавил скорость, подъезжая к берегу озера. – Я те больше водить не дам!

Вода в озере была чистейшая и в то же время приятно холодная. Загорая на колючем травянистом берегу, друзья следили за поплавками удочек, болтали о всякой ерунде, и, конечно же, фантазировали, что, если бы на озеро вдруг пришли купаться (и непременно без одежды) девчонки, из каких кустов было бы удобней за ними наблюдать.

Два раза в жизни Паша видел, как в этом озере образцовым брасом плавала Лизка (конечно же, облаченная в строгий купальный костюм). Было бы страшной глупостью надеяться, что она когда-нибудь решит искупаться в каком-то другом виде.

С лугов донеслись неуклюжие скрипучие звуки. Это пастушок Ваня учился играть на своей новой тростниковой дудочке. Играть у него получалось настолько плохо, что музыка напоминала бляенье козы.

– Я это самое... – лениво начал Витька, щуря глаза от солнца. – В конце мая видел здесь...

Из зарослей на другом берегу неожиданно показалось что-то бледно розовое.

– Тс-с! Смотри...

Друзья с замиранием сердца вытянули вперед шеи, на какой-то миг поверив в невероятное чудо.

Леший

Босой, полуголый толстяк в подпоясанных веревкой штанах, с пьяным воем бросился в воду и начал плескаться.

– Тьфу! – рассердился Пашка.

– Это же Леший, – смущенно проговорил Витька.

Обоим стало вдруг не по себе. Даже расхотелось удить рыбу.

Лешим на хуторе звали толстого, лысого мужика с большой мохнатой бородой, здоровым словно картофелина носом и маленькими выпученными, как у рака глазенками. Как его звали на самом деле Пашка даже не помнил: то ли Прохор, то ли Пахом, то ли Потап.

А все дело в том, что Леший этот нигде не работал, жил в заброшенной полуразвалившейся маслобойне, ходил в драных обносках, носить которые постеснялся бы даже урка на зоне. От него неизменно пахло водочным перегаром, куревом, потом и еще чем-то вроде сырой земли, так что никто на хуторе не испытывал желания завязывать с ним разговор. Но и не только поэтому.

Среди стариков ходили слухи, что Леший – самый настоящий колдун. Он и сам этим хвастался. При этом еще называл себя блаженным и даже святым. В святость его, конечно же, никто не верил. А вот блаженный он или нет – вызывало у хуторян споры.

– Да бог с ним, с юродивым-то! – говорила Пашкина бабушка, которую Леший накануне ни с того ни с сего назвал козой бородатой.

– Нашла юродивого! – ворчал дед. – Скотина самая настоящая! Мозги пропил, а совести не нажил!

Трудно было понять: по-настоящему Леший дурак или прикидывается. Смотрел он все время куда-то в пустоту, говорил, оттопырив губы, по-детски растягивая слова. Вот только нес порой такие мерзости, до которых ни то что блаженный, даже не всякий греховодник додумается.

Пропитание сам себе Леший не добывал, а ходил обедать к старикам хуторянам, самым темным и доверчивым. Те боялись его. Говорили, что может подложить в дом кикимору или сделать залом, что может наслать пожар, неурожай или болезни.

Сам Леший при том еще и нещадно пил (откуда брал водку – тоже было тайной). Один раз упился до того, что залез на крышу дома и начал кидаться в людей шифером. Тогда из города приехали врачи и увезли Лешего в психушку. Вот только ненадолго. Уже через месяц он вернулся на хутор, да еще к тому же в хорошем парусиновом костюме. Раздобыл где-то краски и начал малевать на стенах своей хибары чертей, да уродов. И не только на маслобойне, но и на окрестных заборах и домах. Пашка видел эти рисунки. Странные, жутковатые чем-то издевательски похожие на иконы. А внизу обязательно какая-нибудь пакостная, бредовая подпись.

Пару раз его собирались побить, да все никак не удавалось собраться. Писали доносы в милицию, обвиняя в тунеядстве и вредительстве. А без толку. Власти словно и не замечали Лешего.

– Знаешь, я что про него узнал, – почему-то вполголоса промолвил Витька.

– Что?

– Говорят, он в войну машинистом поезда был.

– Да он же дурак...

– А что, много мозгов что ль надо паровоз водить? Так вот, в начале войны он поезд так разогнал, что весь состав с рельсов под откос улетел. Солдаты в вагонах – всмятку, человек пятьдесят погубило. Да еще и танки новые погубил.

– Ничего себе...

– Его за это к расстрелу приговорили. А он, когда его расстреливать вели хрен знает как взял и сбежал. Всю войну в лесах прятался. Там наверно умом и поехал. Потом его все-таки поймали и в лагеря на десять лет. А во время бериевской амнистии выпустили.

Пашка хмуро глядел на фыркающего, как гиппопотам Лешего.

– Всю рыбу нам распугает, бестолочь!

– Да пошли, все равно клева нет.

Солнце спряталось за кронами деревьев и стало заметно прохладнее. Пашка с Витькой оделись, закрыли жестяную банку с одной-единственной плотвичкой и, подобрав удочки, направились к мотоциклу.

Топоры

Пока зима, да работа, время ползет медленно. А как лето и отдых пролетает, будто истребитель. Пашка сам не заметил, как, бездельничая, прожил у бабушки с дедом две недели. Не то, чтобы, конечно, он совсем ничего не делал: колол дрова, помогал деду чинить забор, пару раз ездил с колхозниками в поле на прополку и на сбор личинок колорадского жука. Но все это было больше для успокоения совести.

Как-то утром, сидя на табуретке возле дома, Паша безуспешно пытался очистить от грязи старую монету, когда к нему подошел дед и хлопнул по плечу.

– На рынок сходи! Топор столярный нужен.

Пашка был рад этому поручению. Хотелось размять ноги, да и прикупить себе кое-чего для рыбалки. Бабушка напоила его в дорогу чаем и наговорила столько всякой всячины, которую надо купить, что Пашке пришлось сделать список.

Позавтракав, Пашка взял деньги, мешок и авоську и направился по пыльной дороге в райцентр.

Колхозный рынок раскинулся на краю поселка, по соседству с огромным картофельным складом.

Едва Паша зашел в ворота, как в уши ему хлынул несмолкающий, словно гул пчелиного улья разноголосый ор. Бабы и мужики на все лады зазывали покупателей, совали им под нос свой товар. Кто-то громко торговался. Где-то гоготали гуси и визжали поросята. В носу зашекотало множество разных запахов: приятных и не очень. Пахло сырым луком, петрушкой, табаком. Неприятно тянуло землистым картофелем. Вместе с дымом долетал откуда-то ни с чем не сравнимый кавказский запах шашлыка, от которого на глаза наворачивались голодные слезы.

Купив первым делом у старухи кулек подсолнуховых семечек, Пашка двинулся на поиски топоров, шелкая и поплеывая шелухой. Перед глазами было столько всего, что выхватить взглядом что-то одно требовало огромных усилий. А в лицо к тому же постоянно совали то цветастые платки, то репу, то рыбу, то даже начищенный до блеска самовар.

Вся эта кутерьма настолько сбивала Пашу с толку, что он почти не удивился, увидев в толпе себя самого.

Какая-то грустная женщина в старомодной шляпке продавала домашний скраб: украшения, посуду, настенные часы, а также старинное трехстворчатое зеркало, слегка попорченное черными пятнышками.

Паша взгляделся в зеркало и увидел загорелое лицо с крупноватым носом, оттопыренной нижней губой и равнодушно полуприкрытыми серыми глазами, которые ему самому никогда не нравились. Было в них что-то безнадежно деревенское, даже дремучее.

В углу рынка у сарая продавали топоры, лопаты, пилы и прочее столярно-плотницкое вооружение.

Пашка рассеянно обводил товар взглядом.

– Колун! Покупай колун! – орал толстомордый мужик, тряся топорюгой, одним ударом которого можно зарубить быка.

«Великоват!» – думал Паша. – «Дед столярный просил...»

И вдруг увидел как раз то, что искал.

Какой-то невзрачный татарин с хитрыми усами и вороватыми черными глазками вынимал из-под прилавка маленькие словно игрушечные топоры и поигрывал ими.

– Подходи, покупай, сталь первоклассная!

– Почем топоры?

– Двенадцать, – торговец оскалился, став сразу неприятным. – Для тонкой работы самое оно!

Пашка вскипел.

– Это ж сто двадцать старыми! За топор! Ему цена самое большее семь рублей!

Взгляд татарина стал кисло-презрительным, он насмешливо ухмыльнулся и громко, чтобы все вокруг слышали, произнес:

– Нету денег, не нуди, не мешай и проходи!

Пашка почувствовал, что его мастерски обставляют.

– Ну а чем докажешь, что сталь хорошая?

Татарин достал откуда-то гвоздик, положил на широкое полено, на котором все это время сидел, и со всей силы долбанул по нему топором. Гвоздь разделился надвое, а хозяин гордо провел большим пальцем по ровному лезвию.

– Ну шо, покупаешь?

Пашка отсчитал деньги, взял из рук продавца топор и уже хотел положить его в мешок, но заметил, что уж больно хитро поглядывают из-под черных бровей татаринские глаза.

«Лукавый!» – подумал Пашка.

– Дай-ка гвоздь!

– На шо? – удивился татарин.

– Проверить.

– Дак я ж те показал!

– Откуда я знаю, может у тебя все топоры разные!

Глаза татарина потускнели, он даже немного съежился и смотрел теперь на Пашку, как рыночный жулик на милиционера.

Паша взял гвоздь и стукнул по нему купленным топором. Гвоздь разлетелся надвое, но на лезвии осталась заметная вмятина.

«Вона в чем дело!» – разозлился Паша.

– Ты что людям суешь! – крикнул он, ткнув топором в нос испуганному татарину.

– Дак я ж... это... якщо все топоры...

– Щас за милиционером схожу, он тебе, спекулянт, устроит ревизию!

– Слухай, – вздохнул татарин, жалко заглядывая Паше глаза. – Да будь ты чел... человеком! Ну какая те разница!

– Мне нет разницы, а людям есть! Ты народ обманываешь!

– Тише, не ори! Ну хошь... – он поманил Пашку пальцем и перешел на шепот. – Хошь я те самый лучший топор продам, во те крест, хоть танковую бронь им руби! Тока в милицию не того, слышь! Не надо...

Пашка махнул рукой. Связываться с украинским татаринком ему не хотелось, но и возвращаться домой с пустыми руками тоже.

– Ладно, черт с тобой! Давай мне тот, которым ты гвоздь сейчас рубил.

– Та не...

– Чего, не?

– А чем я тогда... Шо я людям показывать буду? Ну пойми ж ты, войди в положение!

«Шут гороховый!» – проворчал мысленно Пашка.

– У меня дома в сарае. Тут не далеко, два шага всего.

– Ладно, веди! А если опять обманешь, – он сунул под нос татарину здоровый, как булыжник кулак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.